

2002-410

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Институт языкознания
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Иссык-Кульский госуниверситет им. К. Тыныстанова

УДК 41:494. 3-316.4.

На правах рукописи

ИТО ХИРОНОРИ

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
ЯПОНСКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ
(ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ)**

Специальность: 10.02.06 – Тюркские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук.

Бишкек –2001

Работа выполнена на кафедре кыргызского языкознания Кыргызского государственного национального университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Мусаев С.Ж.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Жунисбек А.;
кандидат филологических наук, доцент
Юсупова М.А.

Ведущая организация Бишкекский гуманитарный университет

Защита состоится 22 января 2002г. в 14.00 часов на заседании Диссертационного Совета Д. 10.01.163 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Институте Языкознания НАН КР и ИГУ им. К Тыныстанова.

Адрес: 720071г. Бишкек пр.Чуй 265а Институт языкознания НАН КР

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной библиотеке НАН КР

Автореферат разослан 20 декабря 2001г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Жамашева Г.З.

Для языкознания на всех этапах его развития характерен интерес к вопросу о происхождении языка, родственных связях отдельных языков между собой, что породило существование многочисленных гипотез, которые в разные периоды то отрицались, то вновь признавались. Одной из таких теорий является алтайская гипотеза, рассматривающая суть понятия «алтайские языки».

Алтайские языки объединяются на основе предполагаемой теории генетической со принадлежности тюркских монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также изолированных корейского и японского языков. В 50-е гг. XX в. родство алтайских языков, относящихся к 3 или 4 генеалогическим подразделениям, признавалось недоказанным даже некоторыми алтаистами – компаративистами. Материальная общность между этими языками либо игнорировалась, либо, в лучшем случае, объяснялась взаимовлиянием (займствованными) в разные эпохи контактного развития тюркских, монгольских, тунгусо – маньчжурских языков.

Актуальной задачей современной алтаистики является исследование и изложение законов, присущих алтайской языковой семье. Ученые пришли к выводу, что объединение выше названных языков в одну семью основывается, в первую очередь, на ряде общих структурно – типологических признаков: фонетических (сингармонизм, особенности распределения звуков в слове), морфологических (агглютинативная преимущественно аффиксация), синтаксических (относительно твёрдый порядок членов с предложения, препозитивность зависимых членов по отношению к членам, от которых они зависят).

Однако, одной констатации типологической общности недостаточно для обоснования родства этих языков.

При всем разнообразии точек зрения на алтайскую гипотезу общим является признание типологического сходства всех алтайских языков. Если

принять это положение за основу, то окажется, что "спор между сторонниками гипотезы о родстве алтайских языков и ее противниками становится чисто терминологическим: вторые, точно так же, как и первые, не отрицают ни типологического сходства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (все они - агглютинативные), ни связывающего их взаимного проникновения элементов (проще говоря, заимствований)" (Яхонтов С.Е. Лексика как признак родства языков// Проблема общности алтайских языков. -Л., 1971.- С.111).

Независимо от отношения к алтайской гипотезе, любой исследователь перечисленных языков стоит перед проблемой объяснения материального совпадения их фактов. Структурно-типологический аспект сравнительного изучения алтайской проблемы, в частности, проблема отношения японского и кыргызского языков, заслуживает углубленного и расширенного изучения в свете современной лингвистической типологии.

Актуальность исследования

Исходя из настоятельной необходимости, современной алтаистики, мы приступаем к сравнительному изучению грамматики, а точнее, морфологических категорий японского и кыргызского языков, которые, как нам представляется, должны служить первичным материалом для научно-теоретического обобщения в области общей алтаистики. В этом плане настоящая работа является, с одной стороны, продолжением тех исследований, начатых еще в начале XVIII в., а с другой стороны, одной из первых работ в кыргызском (и не только в кыргызском) языкознании, где конкретный грамматический материал анализируется с точки зрения компаративистики.

Мы далеки от того, чтобы с уверенностью утверждать или отрицать генетическую общность алтайских языков, однако имеющие место факты материальной общности, требуют изучения и научного объяснения.

Кроме того, сравнительное изучение грамматики кыргызского и японского языков как в диахроническом, так и синхроническом аспектах приобретает особую важность в связи с усилением в настоящее время социально-политических, культурно-экономических контактов между народами и государствами, в частности, кыргызского и японского, что требует практического владения языками и их теоретического изучения.

Степень разработанности проблемы. Разного рода гипотезы, в том числе и урало-алтайская, были предметом исследования многочисленных работ, авторы которых пытались либо доказать, либо опровергнуть предполагаемую генетическую или типологическую общность тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также корейского и японского языков. Так, Г. Рамstedт всю свою жизнь посвятил обоснованию и развитию алтайской теории. Проблемами алтаистики занимались такие ученые как В. Шотт, Ф.Е. Видеман, М.А. Кастрен, О.Н. Бетлингк, Х. Винклер, А. Боллер, Б. Мункачи, В. Котвич, Л. Рясянен и др. Во второй половине XX в. получили широкий размах исследования по тюркологии (Н.А. Баскаков, И.А. Батманов, Н.З. Гаджиева, С.К. Кенесбаев, А.Н. Кононов, С.Е. Малов, Е.Д. Поливанов, В.В. Решетов, Э.В. Севортян, Э.Р. Тенишев, Е.И. Убрятова, А.М. Щербак, К.К. Юдахин и другие). Вышли в свет научные грамматики целого ряда тюркских языков (кумыкского, ногойского, караимского, узбекского, казахского, гагаузского и др.), многочисленные и разнотипные словари, что позволило перейти к подготовке и изданию сравнительных грамматик.

Цель исследования

В связи с тем, что до настоящего времени не было сопоставительной грамматики кыргызского и японского языков, **целью настоящего исследования является анализ основных именных частей речи японского и кыргызского их типологической общности.**

Из поставленной цели в свете исследования вытекают следующие частные задачи:

- анализ алтайской гипотезы и характеристика основных работ, посвященных этой проблеме;
- трактовка частей речи как лексико-грамматических разрядов;
- интерпретация частей речи в грамматиках тюркских и японского языков;
- характеристика таких частных грамматических категорий имен существительных как число, падеж, принадлежность;
- выявление различных способов обозначения лиц по признаку пола;
- описание имен прилагательных японского языка в зависимости от их функционирования;
- характеристика прилагательных киргизского языка в аспекте их функционирования, словообразования и наличия степеней сравнения.

Методологической базой диссертационного исследования послужило представление о языке как непрерывно развивающемся явлении; о наличии в разных языках так называемых языковых универсалий фреквенталий; о сосуществовании в каждом языке уже сложившихся а также нарождающихся категорий; о переходности некоторых категорий, затрудняющей их однозначную интерпретацию. Мы исходим из положения о каждом языке как системе, обладающей той или иной структурой т.е типом грамматических отношений.

Научная новизна данного исследования, связанная с теоретическим осмыслением некоторой материальной общности киргизского и японского языков в области морфологических категорий, обусловлена объективными моментами практического и теоретического характера.

Методы исследования. В исследовании применялись в основном, **описательный и сравнительный методы**, отвечающие целям и задачам научного изучения сравниваемых языков. Кроме того, в отдельных случаях мы опирались на приемы структурно-типологического анализа. В своей

теоретической части работа опирается на достижения сравнительного языкознания и тюркологии.

Теоретическая значимость исследования сводится к осмыслению места киргизского и японского языков в типологических классификациях в свете алтайской гипотезы.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности получить необходимые сведения о грамматике двух языков как на синхроническом, так и диахроническом уровнях.

Структура работы

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении дается подробный анализ урало-алтайской гипотезы, послужившей отправным моментом для исследования; ставятся задачи исследования; указываются теоретическая и практическая значимость работы в области сопоставления некоторых категорий киргизского и японского языков.

Глава I посвящена именным частям речи в киргизском и японском языках. В связи с поставленной целью, в §1 главы I дается общая трактовка частей речи, как она видится автору. Общеизвестно, что грамматическая классификация слов основывается на трех критериях: значении, форме и функции. Иерархия признаков, лежащих в основе выделения частей речи, по-разному трактуется разными лингвистическими школами. Однако традиционно на первый план выдвигаются морфологические признаки, что обусловлено ориентацией на флективные и агглютинативные языки. Трудности выделения частей речи побудили некоторых лингвистов отказаться от этого понятия. Например, Ф. Брюно считая это понятие-схоластикой, от которой надо избавиться, разработал ономаσιологическую грамматику, в которой исходными являются понятия, "очищенные от грамматической формы": предметы, качества, действия, а форма их

выражения (существительные, прилагательные, глагол) играет второстепенную роль.

Понятие частей речи оказывается ненужным и в некоторых направлениях структуральной грамматики, где оно заменяется понятием "функциональный класс". Принадлежность слова к части речи т.е. к функциональному классу, рассматривается не как часть его лексического значения, а как его грамматическая категория.

Проанализировав различные теории частей речи, мы пришли к выводу, что стремление дать исчерпывающее описание всем классам слов при исторически гетерогенном характере систем привело к тому, что определение частей речи оказалось расплывчатым.

Дискуссия о частях речи ведется вокруг следующих вопросов: 1) необходимость выделения частей речи; 2) инвентарь частей речи; 3) иерархия частей речи; 4) принципы выделения частей речи.

Поскольку части речи отражают реальные различия между словами в языке, т.е. их наличие выступает как объективный фактор существования любого языка, §2 главы I мы анализируем части речи японского и кыргызского языков.

В тюркологии по частям речи распределяются не формы слов, а слова, взятые как лексема, что позволяет при частеречной классификации объединить несколько критериев: а) обобщенное грамматическое значение; б) конкретное лексическое значение; в) состав и характер грамматических категорий; г) типы словоизменения; д) типы формо-и словообразования; е) особенности синтаксического функционирования.

На основании перечисленных критериев в кыргызском и японском языках выделяются следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, подражательные слова, междометия, модальные слова и частицы.

Перечисленные части речи традиционно делятся на 2 группы: знаменательные и служебные слова. Деление частей речи на основе трихотомии приводит к следующей классификации: 1) знаменательные части речи (существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, предикативы); 2) служебные части речи (служебные имена, послелого, союзы); 3) модальные части речи, которые включают в себя модальные слова, частицы, междометия, подражательные слова.

Грамматический строй тюркских и японского языков основан на механизме агглютинации и определяется при помощи принципа изменемости / неизменяемости слова как лексико-грамматической единицы.

В истории японской грамматической мысли большую роль сыграла классификация частей речи, предложенная Оцуки Фуминихо (1897). Наименования частей речи, принятые в данной грамматике, являются общепринятыми до настоящего времени. Все части речи делятся автором на три группы: **тайгэн** *たいげん*, **эгэн** *えげん*, служебные элементы. Существительные принадлежат к **тайгэнам** *たいげん*, глаголы, предикативные прилагательные-это **эгэны** *えげん*, а все остальные части речи принадлежат к разряду **дзэдзи** *じょじ*. Местоимения и числительные рассматриваются как вид существительных.

В течении XX в. предложенная классификация частей речи усиливалась и расширялась, что доказывает следующее: части речи нельзя рассматривать как нечто раз и навсегда данное, неизменяемое. Они находятся в процессе постоянного развития и совершенствования и тесно связаны между собой.

Сопоставление частей речи в тюркском и японском языках показывает, что существительные, глагол, прилагательное, наречие, числительное и местоимение относятся к числу самостоятельных частей речи. Междометия и подражательные слова по своим грамматическим признакам не могут войти в

разряд ни самостоятельных, ни служебных частей речи, а представляют собой особую разновидность слов.

В других грамматиках японского языка наиболее четко противопоставлены друг другу глагол и именные части речи, среди которых важнейшую роль играют существительные и прилагательные, являющиеся объектом исследования нашей диссертации.

Глава II — "Имя существительное в кыргызском и японском языках" состоит из 4 параграфов, в которых рассматриваются определенные грамматические категории и способы их выражения.

В §1 анализируется категория числа имен существительных, выражающая количественные характеристики предметов мысли, лексико-семантическое и грамматическое значение единственного и множественного числа, отражаются экстралингвистические, реально существующие различия понятий единственности и множественности, т.е. не единичности обозначаемых именем существительным предметов и явлений.

Единственное число в кыргызском языке не имеет грамматических показателей. Множественное число как член грамматического противопоставления обозначает, что предмет представлен в количестве больше, чем один. Способом выражения множественности в кыргызском языке является специальный аффикс **-лар**, имеющий 12 фонетических вариантов.

В японском языке, в отличие от кыргызского языка, имена существительные не имеют специальной формы множественности. В глаголе, прилагательном, местоимении никаких изменений по числам не происходит. По словам М. Киэда, в японском языке нет иного пути судить об имени существительном, кроме контекста.

Способы выражения множественности (редупликация и аффиксация) в японском языке тем не менее существуют, однако, ни один из них не является правилом для всех существительных. В японском языке мы имеем

дело не с категорией числа существительного, а с существительным, выражающим число.

Следовательно, на уровне синхронии различия между кыргызским и японским языками в плане реализации грамматической категории числа весьма значительны.

Сравнительное исследование исторических фактов показывают другую картину. Диахронические сопоставления дают материал иного рода. У древних тюрков представление о множественности было иным, нежели сейчас: слова *ат* могло обозначать и "лошадь", и "лошади". Это явление наблюдается и в современных тюркских языках, например: слово "*таш*" представляет собой недифференцированную форму для обозначения количественного понятия "камней вообще" неопределённое множество. Согласно мнению Г. Рамстедта это явление связано с тем, что еще с древних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой **единственного числа**, в тех случаях, когда на множественное число выражалось числительным или иным показателем множественности. (Рамстедт Г.И., Введение в алтайское языкознание, Морфология, —М., 1957.- С.57).

В связи с этим возникает вопрос о происхождении аффикса множественности. В современной тюркологии существует три гипотезы о его происхождении, которые становятся понятными если выйти за пределы алтайских языков, а также, благодаря привлечению данных праалтайского языка, согласно которым множественность в древних тюркских языках выражалась, как и в современном японском языке, без специальных аффиксов и на основе только контекста. Алтайсты на этом основании делают вывод о том, что японский язык сохранил в себе древнюю грамматическую форму отсутствие формального показателя множественности.

В современном языке иногда употребляются аффиксы множественности: *-gama* かた, *-domo* ども, *-tami* たち, *-ra* ら только

для обозначения людей: *гофудзингата* ごふじんかた (женщины), *кодомора* こともら (дети), *хитотати* ひとたち (люди). К корням китайского происхождения присоединяются префиксы множественности сё обозначающий "много".

Таким образом, в японском и кыргызском языках множественность может быть выражена лексически, без морфологических показателей: *кёз* (кырг.), *мэ* め (япон.) – "глаз или глаза", *бут* (кырг.) *аси* あし (япон.) – "нога или ноги".

Вторым способом выражения множественности в кыргызском языке является аффикс **-лар** и его фонетические варианты: *-лер, -лор, -лөр, -дар, -дер, -дор, -дөр, -тар, -тер, -тор, -төр*.

Третий способ выражения множественности – синтаксический. Он может быть реализован атрибутивным сочетанием, состоящим из количественного числительного и существительного: *беш китеп* (кырг.) – *госацуну хон* ごさつのはん (япон). С существительными обоих языков могут сочетаться неопределённые числительные типа "много, несколько": "кёп киши – *оокуно хито* おおくのひと ". Например, как средство выражения множественности в рамках третьего синтаксического способа используется редупликация, т.е. повторяющиеся слова. Редупликация может быть полной и неполной. В японском языке редупликация представлена примером "*хито-бито* ひとひと" (хито – человек, хито-бито – люди).

§ 2 главы II и рассматривает существительные, выражающие понятие пола. Набор морфологических категорий существительных в некоторых языках включает в себя категорию рода. В сопоставляемых языках категория рода отсутствует, однако это не означает отсутствия существительных, выражающих понятие пола у людей и животных. Как и во всех алтайских языках понятие пола в кыргызском и японском языках выражается с помощью логических категорий, а не грамматических форм. Для понимания системы существительных, находящихся в оппозиции мужской пол / женский пол, нами привлекаются материалы тюркских рунических

памятников, в которых, также как и в современном кыргызском и японском языках, представлены фонетический, лексический, морфологический и синтаксический способы различения лиц и животных по признаку пола.

Особый интерес в этом аспекте представляет фонетический способ, реализуемый с помощью так называемой "внутренней флексии". Это лингвистическое явление как филологическое изменение корня, выражающее различие его грамматических форм, пока недостаточно изучено, хотя имеет место во всех языках, в том числе кыргызском и японском. В качестве иллюстрации "внутренней флексии" можно привлечь кыргызское слово "апа", возникшее на базе древнетюркского и междюркского слова "аба". Первый ряд значений лексем аба/апа – *отец, дядя* по линии отца, **старший мужчина, родственник, старший брат**. Второй ряд значений этих лексем – *мать, тётка* по линии отца, *дочь брата отца, дочь старшего брата, жена старшего брата мужа* и т.д. Центральными и распространёнными значениями являются здесь **мать и старшая сестра**. Значения мужской и женской линии пола почти полностью параллельны, что позволяет определить семантическую основу классификационного термина пола аба-апа как «**старший по возрасту**».

В настоящее время "мужское значение" этого слова во всех языках отпало, а в качестве центральных сохранились значения "мать", "старшая женщина", "тётка" (Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М. 1974).

Общетюркский термин "ата" относится к более позднему времени, поскольку в его семантике в настоящее время не представлено "женское" значение, поэтому его можно связать с господством патриархата.

Лексика, связанная с животным миром, является одной из древнейшей во всех группах алтайской семьи языков и является достаточно многочисленной так, В словаре тунгусо-маньчжурских языков так, из 1700 наименований свыше 800 обозначают домашних и диких животных, свыше

500 – птиц. Для тех животных, которые играли важную роль в экономике тунгусо-маньчжурских народностей, детально разработана половозрастная терминология и богато представлены сезонные названия. Лексические параллели типа "конаң-конажын" (трехлетний жеребенок – трехлетняя кобыла) различаются аффиксами, являющимися реликтами выражения категории грамматического рода. В то же время для обозначения самцов и самок во всех тюркских языках, в том числе и кыргызском, употребляются слова совершенно разных корней *теке-эчки, токту-борук, кунан-байтал* и др.

Особый интерес представляет лексика, обозначающая профессиональную деятельность. В кыргызском языке возможны такие словосочетания, как *окуучу – окуучу кыз* (ученик – ученица). В японском языке в некоторых случаях, для различения профессии людей по половому признаку, для обозначения мужского рода употребляется слово *отоко-но* *おとこの*, женского рода – *онна-но* *おんなの*. Кроме того, в японском языке используется приставка "дзэ" *じょ* для обозначения женского рода: *дзёю* *じょゆう* (актриса).

Таким образом, отсутствие в сопоставляемых языках категории грамматического рода компенсируется употреблением существительных, обозначающих род, разными способами, часть из которых сохранила в себе архаичные формы. Контакты между народами в разные исторические периоды приводили к неизбежным заимствованиям в языках: тюркские языки заимствовали необходимые обозначения из арабского и персидского языков. В японском языке было сильным влияние китайского языка.

§3 II главы рассматривает категорию принадлежности и способы её выражения в кыргызском и японском языках. Категория поссессивности является одной из универсальных понятийных категорий языка. Её основное назначение – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. Поссессивность выражается лексическими,

морфологическими и синтаксическими средствами, набор которых для каждого языка индивидуален.

В кыргызском языке категория притяжательности может иметь чисто морфологическое выражение, состоящее в присоединении к основе существительных или любой субстантивированной части речи специальных аффиксов принадлежности, которые различаются по лицу и числу. Присоединяя к слову "алма" аффикс принадлежности 1-го л. ед. числа, мы получим форму слова "алмам" "моё яблоко", в которой выражены и предмет обладания (алма) и лицо обладателя (-м "моё").

Синтактико – морфологический способ выражения поссессивности в современных тюркских языках равнозначен способу образования полной изафетной конструкции, состоящей из определительного сочетания личного местоимения или имени в родительном падеже с именем, оформленным аффиксом принадлежности: *менин досум* – мой друг.

Синтаксический способ передачи значения принадлежности состоит в том, что в качестве определения выступает личное местоимение 1-го и 2-го лица в родительном падеже, а определяемое слово не оформляется соответствующим аффиксом принадлежности: "биздин жер – наш край".

В японском языке категории принадлежности как таковой не существует, а принадлежность выражается, также как и в праалтайском языке, личными местоимениями: *ватаси* *わたし* (первое лицо единственного числа), *аната* *あなた* (второе лицо единственного числа), *каре* *かれ* (третье лицо единственного лица). Эти три личных местоимения единственного числа являются стандартным литературно-письменным вариантом, в нестандартном же языке эти личные местоимения имеют много вариантов особенно для I лица. У каждого варианта имеется своя сфера употребления: речь молодёжи, язык мальчиков и т.д.

Что касается категории падежа, рассматриваемой в § 4, то эта категория не является универсальной: науке известны не только

беспадёжные языки, но и допадёжные состояния падежных языков, которые могут быть восстановлены сравнительно-историческим методом.

Для кыргызского языка, как и для других тюркских языков, характерен единый тип склонения, охватывающий все существительные, местоимения и числительные. Система склонения в тюркских языках складывалась на протяжении многих столетий и явилась результатом действия тенденций, восходящих к разным хронологическим периодам. Если общетюркская падежная система насчитывала восемь падежей, то в современном кыргызском языке выделяется шесть падежей, каждый из которых, за исключением основного, имеет специальные показатели, передающие то или иное грамматическое значение.

В работе предпринята попытка всестороннего анализа истории падежной системы кыргызского языка в современный период и семантика каждого падежа.

По утверждению автора "Грамматики японского языка" И.В. Головнина, "у японских существительных нет категорий падежа, несмотря на то, что имеются служебные элементы, выражающие значения, которые можно отнести к падежным" (Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. М. 1986). Этими служебными элементами являются служебные слова (*дзёси* じょし, *ходзёси* ほじょし), которые, играя внутриязыковую роль, сближаются с аффиксальными морфемами, просодическими средствами и т.д. Они носят грамматический характер и лишь опосредованно соотносятся с внеязыковой действительностью. В отличие от служебных морфем служебные слова обладают лексической и синтаксической свободой, отдельностью, широкой сочетаемостью с множеством самостоятельных слов. Однако четких границ, отделяющих служебные слова от служебных морфем – аффиксов, с одной стороны, и от лексически знаменательных слов – с другой, нет.

Из 16 классов служебных слов японского языка в плане выражения падежных значений нас интересуют так называемые **предикативные коннекторы** – слова-морфемы, выражающие отношения (связи) между субстантивными синтаксемами – членами предложения и глагольными и адъективными членами предложения: *га* が, *о* を, *ни* に, *дэ* で, *э* へ, *то* と, *кара* から, *мадэ* まで, *ёри* けり). Их можно назвать еще простыми послелогом-частичами, или **гаонимами**. Грамматисты считают перечисленные гаонимы: 1) агглютинативными падежными аффиксами; 2) формативами аналитических падежей; 3) падежными частицами – простыми послелогом.

Коннектор (гаоним) **га** が в своей основной функции указывает на то, что синтаксема занимает синтаксическую позицию подлежащего, находящегося во взаимоподчинительной связи со сказуемым, обозначенным глагольной адъективной или субстантивной синтаксемой. Этим гаоним **га** отличается от остальных гаонимов, оформляющих отношения зависимости той или иной синтаксемы от глагольной и адъективной синтаксем: *Tutu ga kaetta* ちちが かえった "Отец вернулся".

Другие гаонимы оформляют субстантивные синтаксемы, занимающие позиции прямого дополнения (объекта) в глагольных предложениях (гаоним **о** を); гаоним **ни** に оформляет субстантивную синтаксему, занимающую позицию косвенного дополнения в глагольных и адъективных предложениях, а также синтаксему обозначающую местонахождение, местонаправление, абстрактное место или направление, время, цель и причину действия.

Кроме предикативных, в японском языке выделяются **присубстантивные** коннекторы, обозначающие зависимые отношения между субстантивными синтаксемами. Основным служебным словом данного класса является словоморфема **но** の, которая имеет широкий спектр значений: указывает на принадлежность одного предмета другому (*кодомо но атама* ことこのあたまた "голова ребенка", дословно :ребенка голова);

на принадлежность предмета человеку; на материал, из которого сделан предмет; на объект как средство осуществления действия, субъект как причину действия и т.д. В "Грамматике японского языка" И.В. Головнина приводится 36 групп отглагольных и 43 группы субстантивных, которые удовлетворяют потребности японского языка в плане выражения тончайших нюансов синтаксических отношений.

Таким образом, анализ показывает, что в сопоставляемых языках, несмотря на разные грамматические категории имен существительных, могут быть переданы различные падежные значения.

В III главе диссертации рассматриваются имена прилагательные в кыргызском и японском языках. Глава состоит из трех параграфов, первый из которых посвящен общей характеристике прилагательного как части речи. Обращение к данной проблеме объясняется тем, что прилагательное не только не является универсальной категорией, но составляет класс слов, наименее специализированный по сравнению с другими лексико-грамматическими разделами слов. Прилагательные имеются не во всех языках. В других языках нет устойчивой четкой границы между существительными и прилагательными, прилагательными и наречиями. Тюркские языки, к последней группе, так как в некоторых случаях провести четкую грань между названными частями речи только по морфологическим признакам невозможно.

§2 посвящен именам прилагательным японского языка — морфологически и синтаксически разнородной группе слов, "объединенной" общностью категориального семантико-грамматического значения, сходством основной синтаксической функции и противопоставленностью субстантивам с одной стороны, и глаголам, с другой.

По своим морфологическим особенностям прилагательные делятся на две группы: 1) изменяемые и 2) неизменяемые. С учетом синтаксического функционирования первая группа делится на две подгруппы: 1)

предикативно —изменяемые прилагательные и 2) непредикативно — изменяемые прилагательные. В связи с этим в японском языке выделяются три разряда прилагательных, имеющих синтаксические и морфологические различия, но объединенные категориально:

- 1) изменяемые предикативные прилагательные (ИПП);
- 2) изменяемые непредикативные прилагательные (ИНП);
- 3) неизменяемые непредикативные прилагательные (ННП).

Первый подкласс прилагательных имеет достаточно широкие функции: присубстантивное определение, обстоятельство образа действия и сказуемое предикатема, причём в последнем случае они не нуждаются в служебно — предикативных словах, поскольку сами обладают предикативными категориями, что сближает их с глаголами и позволяет объединить и тех и других в подкласс предикатов. В качестве примеров можно привести такие прилагательные, как *нигай* に けい "горький", *ёвай* よわい "слабый", *арай* あらい "грубый", *абунай* あぶない "опасный", *мабусий* まぶしい "ослепительный", *сиокарай* しおからい "пересоленный".

Прилагательные второго подкласса употребляются как в функции определения в широком смысле этого слова, так и в функции сказуемого, но в последнем случае они нуждаются в служебно-предикатных словах, которые и выражают предикативные значения (*сумияка* すみやか - быстрый, *риппа* りっぱ - великолепный, *бэнри* べんり - удобный).

Прилагательные третьей группы используются только в функции присубстантивного определения.

Наиболее специфична 8-ая группа, центральной (репрезентативной) формой которой является словоформа на -й い, обладающая значением положительного утверждения, настоящего-будущего времени, изъявительного наклонения. Синтаксические и аналитические заключительные и незаключительные словоформы выражают частные грамматические категории ИПП и составляют их парадигму, что в определенной степени напоминает парадигму предложения в русском языке,

в которой формы противопоставлены по признаку модальности и синтаксического времени.

Синтаксические словоформы ИПП:

а) заключительные:

-й: цуё っよ + й い "быть сильным, сильный, силен";

-катта: цуё っよ + катта かった "был сильным";

-кароу: цуё っよ + кароу かつう "видимо сильный";

-каттароу: цуё っよ + каттароу かつたう "видимо был сильный";

б) незаключительные:

-ку: цуё っよ + ку く "сильно";

-кутэ: цуё っよ + кутэ くて "будучи сильным";

-кэрэба: цуё っよ + кэрэба ければ "если сильный";

-каттанара: цуё っよ + каттанара かつたなら "если был сильным".

Аналитические словоформы ИПП также подразделяются на заключительные и незаключительные.

Грамматическая категория утверждения /отрицания ИПП выражается совокупностью определенных синтаксических и аналитических словоформ, которые различаются значениями времени и наклонения. Собственно утверждение выражается у ИПП при помощи -й い, -катта かった, -кароу かつう, -каттароу かつたう, -й дэсу いて, -катта дэсу かつたて и другие. *Ватаси га варуй но дэсу わたしかわりのてす* "это я виноват".

Отрицание у ИПП выражается при помощи аналитических словоформ, включающих служебные слова *най* ない или *аримасэн* ありません, которые следуют за предикативным прилагательным в форме на -ку く, причем между ними могут располагаться частицы типа *ва* は, *мо* っ.

Для ИПП характерна также грамматическая категория наклонения, включающая в себя три значения:

- 1) изъявительное наклонение, или наклонение нейтральной достоверности;
- 2) предположительное наклонение, или наклонение предположительной (гипотетической) достоверности;
- 3) категорическое наклонение, или наклонение очевидной достоверности.

Наконец, для ИПП свойственна грамматическая категория социально-личностных отношений (степени вежливости), выражающая 1) нейтральную учтивость по отношению к собеседнику и 2) нейтральную учтивость по отношению к собеседнику, которая представляет собой а) повышенную учтивость и б) пониженную учтивость (фамильярность, дружественность или грубость).

Разные степени вежливости могут быть выражены синтетически или аналитически либо префиксами, либо служебными словами.

Аналогичным образом характеризуются прилагательные второй подгруппы.

Третья подгруппа – неизменяемые непредикативные прилагательные. Это подкласс прилагательных, имеющих одну (абсолютную) словоформу, употребляющуюся только в позиции присубстантивного определения и обладающую обобщенным категориально-грамматическим значением статического свойства предмета.

Исконные ННП составляют немногочисленную группу. Они всегда находятся в препозиции по отношению к определяемому слову. ННП делятся на две группы: качественные и относительные. Примером качественных прилагательных являются: *тадайна* たたいな "огромный", "меткий", *ясэйно* やせいの "дикий, дикорастущий", *дзунгурисита* ずんぐりした "тучный, жирный".

В рамках ННП по морфемному составу выделяются простые производные, простые аффиксальные, корнесложные и сложно-аффиксальные прилагательные. Как изменяемые, так и неизменяемые прилагательные могут быть однозначными и многозначными.

В §3 главы III рассматриваются имена прилагательные кыргызского языка, обозначающие самые разнообразные признаки предмета: цвет, размер, форму, качественную характеристику, отношение к месту и времени.

Как и в японском языке, прилагательные кыргызского языка выступают в функции определения и сказуемого. Прилагательные кыргызского языка делятся на две группы – производные и производные.

В качестве мотивирующей основы для производных прилагательных выступают имена существительные и глаголы. Кроме выше названных групп прилагательных, в кыргызском языке выделяется группа сложных, образующихся путем сложения разных слов: прилагательного и существительного, прилагательного и прилагательного: (кара ала – черно-пестрый, кёк ала – серо-пегий).

По семантическому признаку прилагательные делятся на качественные и относительные. Качественные прилагательные составляют ядро части речи, тогда как относительные принадлежат к периферии. Обращение к историческому материалу позволяет сделать вывод о том, что в праторкском языке разряды качественных и относительных прилагательных не выделялись. Прилагательные делились на группу, обозначающую признаки только предметов и выступающую как определение при именах существительных и группу, обозначающую признаки предметов и действий и выступающую, соответственно, в роли определений при именах и в роли обстоятельств при глаголах.

В современных грамматиках тюркских языков классического образца используются термины "качественные" и "относительные" прилагательные; вариантом этих терминов является: "прилагательные со степенью сравнения и без степени"

При исследовании классической терминологии надо учитывать, что в тюркских языках категория относительных и притяжательных прилагательных – явление относительно новое, так как в атрибутивной функции широко использовались имена существительные. Вместе с тем имена существительные в атрибутивной функции не могут полностью заменить относительные прилагательные, так как они обозначают признак только в сочетании с определяемым существительным. Таким образом, одной из причин развития категории относительных прилагательных в современных тюркских языках является ограничение возможности тюркского изафета. Другая причина заключается в потребности каждого языка в выражении относительных признаков. Относительные

прилагательные, как правило, обозначают признаки, не имеющие характеристик по интенсивности, поэтому прилагательных они не могут сравниваться и не имеют степеней сравнения, в отличие от качественных.

Качественные прилагательные в кыргызском языке имеют несколько степеней сравнения, исходной формой которых является положительная степень (жай даража), обозначающая признак или качество предмета или явление и не выражающая никакого сравнения.

Сравнительная степень указывает на небольшое различие количества одного и того же признака в разных предметах. Приблизительная степень обозначает ослабленную или неполную меру качества или признака (типа агыш – беловатый, киргилт – грязноватый, кызгылт – красноватый).

Превосходная степень обозначает самую высокую степень качества и образуется разными способами. При этом в рамках превосходной степени объединяются формы интенсива типа эн жаман – очень плохой, так и формы суперлатива сарынын сарысы – самый желтый.

В заключении содержатся основные выводы по работе.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Жапон тили. –Б.: Мектеп. 1992 г., 1993 г., – стр.164 (соавтор).
2. Кеңири колдонулган сөздөрдүн жана айтылыштардын кыргызча-жапончо сөздүгү. КГНУ, 1994, - стр.98
3. Этиштердин жакталышы боюнча көнүгүү дептери. БГУ, 1995, - стр.103 (соавтор).
4. Кыргызча-жапончо сүйлөшмө. КГНУ, 1996. –стр.99 (соавтор).
5. Эң керектүү сөздөр боюнча кыргызча-жапончо жана жапончо-кыргызча сөздүк. «Нихон», 1996, 2000, -стр.99 (соавтор).
6. Сборник упражнений по японскому языку. КГНУ, 1997, -стр.70.
7. Пособие для изучения японского языка – грамматика. ИВЯК, 1999, - стр.125 (соавтор), (Пособие по современному японскому языку. КГНУ, 1994, 1995, 1996).
8. Пособие для изучения японского языка – упражнения. ИВЯК, КГПУ, 1999, -стр.101 (соавтор).
9. Проблема алтайской гипотезы: анализ некоторых соответствий японского и тюркских языков. ИВЯК, КГПУ, 1999, -стр.116.
10. Характеристика и анализ грамматических понятий японского и тюркских языков. ИВЯК, КГПУ, 2001, -стр.252.
11. Англо-японский и японско-английский словарь для японистов 3-4 курсов. ИВЯК, КГПУ, 2001, -стр.100 (соавтор).
12. Жапон тилин кыргыз студенттери окушат. Бишкекская высшая школа милиции, 1994 г. –Научно-методические проблемы преподавания гуманитарных наук в условиях реформы высшего образования. – стр.115-117.
13. Школьное образование Кыргызстана и Японии. Изд.: Русский язык и литература. 1995, №4, -стр.121-124 (соавтор).
14. Часть речи в уйгурском и японском языке. Вестник КГНУ. Вып.2. 1997, -стр.50-58.
15. Кыргыз жана жапон тилдериндеги «бирок» байламтасы. Вестник КГНУ. Вып.2. 1997, -стр.105-107.
16. Традиции и диалект жителей региона Нагои. Обычай, традиции и обряды народов Востока. ИВЯК, КГПУ, 1999, -стр.9-13.
17. Алфавитная система древнетюркского и японского языков. Вестник КГНУ. Вып.2. 1999, -стр.192-196.
18. Категории рода в тюркских и японских языках. Вестник КГНУ. Вып.2. 1999, -стр.197-207.
19. Характерные особенности категорий залога в тюркских и японских языках. История культура и традиции народов Востока. ИВЯК, КГПУ. Вып.2. 2000, -стр.83-90.

Аннотация

(Жапон жана кыргыз тилдеринин салыштырма грамматикасы (атоочтор))

Тилдердин алтай бүлөсү салыштырма-тарыхый жана типологиялык изилдөөдө көңүлдүн борборунда болууда. XX кылымдын 80-жылдарында алтаистикада географиялык жакындыкка караганда тилдердин типологиялык жакындыктары кандайдыр бир деңгээлде алардын тектештигин күбөлөндүрө алат деген ой кеңири таралган.

Жапон тили төмөнкү белгилерге ээ болуу менен, типологиялык жактан алтай тилдерине окшош; морфемалардын көп кырдуу татаалдыгы, бирдиктердин улангышындагы агглютинативдик мүнөз, сөз чегинин так эместиги, көз каранды элементтин препозиция мыйзамы. Ошол эле учурда, басымдын жана муундук структуралардын мүнөзү жапон тилин алтай тилдеринен айырмалап, аны малазия-полинезиялык тилдерге жакындатат, бирок жапон тилинде миң жылдан ашык убакыт 2 тилдик система – келип чыгуусу боюнча кытайлык жана нукура жапондук тил – жашап келгендигине карабастан, кытай тилине көп жакындай бербейт.

Түрк тилдеринин бири болгон кыргыз тилинин жана жапон тилинин типологиялык жалпылыгынын далили болуп, анын фонетикалык, морфологиялык жана синтаксистик көрүнүштөрү эсептелет.

Синхрондук планда салыштырылып жаткан тилдердин тарыхынан далилдерди (факт) келтирүү менен, сөз түркүмүнүн маани берүүчү, зат атооч жана сын атооч сөз түркүмдөрүн изилдөө алардын структурасын (түзүлүшүн) жакшы түшүнүүгө жана алардын ортосундагы типологиялык окшоштуктарды толук формада ачып берүүгө жардам берет.

Мисалы ошентип, бул эки тилде род категориясы жок, бирок бул эки тил тең жаныбарларды жана адамдарды жыныс белгиси боюнча аныктоочу өзгөчө ыкмаларды иштеп чыгышкан. Жапон тилинде сан жана жөндөмө категориялары жок. Биринчи категория көбүнесе контекстте аныкталса, экинчиси маанилерди туюндуруу үчүн кызмат кылган жана жөндөмөлөргө теңделе турган көптөгөн кызматчы элементтердин жардамы менен аныкталат.

Салыштырылып жаткан тилдерде белгинин түшүнүгү же нерсенин абалын билдирүүчү сөз түркүмдөрүнүн өзгөчө бөлүгү катары сын атооч айырмаланып турат.

Категориалдык маанилердин жана анын синтаксистик функцияларынын жалпылыгы боюнча – атрибуттук же предикаттык жактан жапон тилиндеги сын атоочтор көп тектүү, бул аны кыргыз тилиндеги сын атоочтордон айырмалап турат. Эгер кыргыз тилинде сын атоочтор өзгөрүлбөй турган сөздөр болсо, жапон тилиндеги сан атоочтордун үч группасынын экөө өзгөрө турган сөздөрдөн болот да, үчүнчү топтугу предикативдик эмес өзгөрбөй турган сын атоочторго каршы коюлат.

Аннотация

(Сравнительная грамматика японского и кыргызского языков
(именные части речи))

Алтайская группа языков оказалась в центре внимания как сравнительно-исторического, так и типологического изучения. В алтаистике в 80-е гг. XX века стала популярной мысль о том, что типологическая близость языков не в меньшей степени является свидетельством родства, чем географическая близость.

Японский язык типологически сходен с алтайскими, обладая такими признаками, как исконная многосложность морфем, агглютинативный характер соединения единиц, нечёткость границ слова, закон препозиции зависимого элемента. В то же время характер слоговой структуры и ударения отличает японский язык от алтайских и сближает с малайско-полинезийскими, но не с китайским, хотя в японском языке более тысячи лет сосуществуют две подсистемы - исконно японская и китайская по происхождению.

Доказательством типологической общности кыргызского как одного из тюркских и японского языков являются некоторые фонетические, морфологические и синтаксические признаки.

Исследование именных частей речи - существительного и прилагательного - в плане синхронии с привлечением фактов истории сопоставляемых языков помогает лучше понять их структуру, более полно выявить в типологические сходения между ними, с одной стороны, и особенности, характерные для каждого из них, с другой.

Так, в обоих языках отсутствует категория рода, но оба языка выработали особые способы обозначения лиц и животных по признаку пола. В японском языке отсутствуют категории числа и падежа. Первая категория обычно выясняется из контекста, а вторая реализуется при помощи многочисленных служебных элементов, служащих для выражения значений, которые могут быть приравнены к падежным.

В сопоставляемых языках выделяется как особая часть речи имя прилагательное, которое выражает понятие признака или состояния предмета. При общности категориального значения и его синтаксических функций - атрибута или предиката прилагательные японского языка весьма разнородны, что отличает их от прилагательных кыргызского языка. Если в кыргызском языке прилагательные являются неизменяемыми словами, то в японском из трех групп две являются изменяемыми и противостоят третьей группе неизменяемых непредикативных прилагательных.

Summary

(Comparative grammar of Japanese and Kyrgyz languages)

Altai group of languages has happened round to the center of attraction both for comparative-historical and typological study. In Altai studies in 80-s, XX-century an idea became popular that the typological affinity of languages was not in a lesser degree witnessing the relationship rather than geographic nearness.

Japanese language is typologically similar to the Altai languages while possessing such signs as original complexity of morphemes, agglutinative character of unit conjugation, bad definition of word borders, preposition rule of the depending element. At the same time, the syllabic structure and accent character distinguishes the Japanese from the Altai languages and approaches it with the Malasian - Polynesian languages, but not with the Chinese one, though two sub-systems have been existing for more than a thousand year - originally being Japanese and Chinese.

Some phonetic, morphological and syntactic characteristics are the evidence of the typological collectivity with the Kyrgyz language as one of the Turkic and Japanese languages.

Study of the predicative word class of the noun and adjective - in synchrony aspect with the attraction of historical facts of the collated languages - helps to understand better their structure, show up brighter typological sense of at-oneness among them on one side, and peculiarities, typical for each of them, on the other side.

Thus, both the languages don't have the gender category, but both of them have elaborated special denominations for human beings and animals in accordance with their sex characteristics. The categories of number and case are absent in the Japanese language. The first category is usually ascertained from the context, and the second one is realized with assistance of numerous auxiliary elements serving for expression of the meaning, which may be equated, with the cases ones.

An adjective is emphasized as a peculiar word class, which expresses the concept of the indication or the object's condition. Adjectives in the Japanese language are highly different though they have common categorical meanings and syntactic functions - attribute or the adjective's predicate 1 which distinguishes them from the adjectives of the Kyrgyz language. While in the Kyrgyz language adjectives are unchangeable words, in the Japanese language two out of three groups are changeable and counter the third group of unchangeable non-predicative adjectives.